

Языковая объективация концепта *сүрэх* / *сердце* (на примере текстов якутской поэзии)

В данной статье рассматривается языковая объективация признаков концепта *сүрэх* на примере текстов якутской поэзии начала и середины XX в. Актуальность исследования продиктована необходимостью изучения лексемы *сүрэх* как репрезентанта данного ключевого концепта в языковой картине мира якутов. Для анализа привлекаются контексты с компонентом *сүрэх*, отобранные методом сплошной выборки из 80 поэтических произведений, что позволяет выявить механизм формирования признаков данного концепта как результата объективации внутреннего мира автора. Анализ выстроен согласно методике концептуальных исследований и нацелен на выявление ядерных и периферийных признаков данного концепта. По результатам практического материала выявлено, что ключевое слово *сүрэх* в авторских контекстах употребляется в значениях «анатомический орган», «символ чувств и эмоций», «вместилище», что отражает воплощение его смысловых составляющих в поэтических текстах. Интерпретационное поле данного концепта интересно тем, как авторы используют данное слово в переносном значении с позиции его концептуализации. Данный концепт как сложная ментальная единица, формируемая в языковой картине каждого автора, предстает как факт языкового сознания, репрезентирующий внутренний мир автора своего времени и соответствующим образом актуализирующий концепт *сердце*.

Ключевые слова: сердце, концепт, языковая картина мира, лексема, поэзия, якутский язык, концептуальный анализ

Предпринимаемая работа является попыткой изучения лингвистического концепта *сердце*, характерного для каждой поэзии с учетом общеизвестного постулата, что данный концепт относится к числу ключевых составляющих национальной культуры.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью или отсутствием (по нашим данным) подобных работ по выявлению формируемых концепт *сүрэх* признаков на примере поэтических текстов якутских авторов. Поэтический текст как любой художественный текст помогает проникнуть в семантическое поле концепта и представить его с позиции индивидуального мировидения, обогащая тем самым образную сущность анализируемого знака. В контексте заданной проблемы интерес представляет работа А.М. Николаевой, в которой автором выявлены такие ключевые концепты якутской женской поэзии, как душа, жизнь, любовь, слово, свобода [Николаева, 2017, с. 118–126].

Цель работы заключается в описании языковых средств объективации ядерной зоны и в вы-

явлении (дополнительных) авторско-индивидуальных признаков, репрезентирующих периферийную зону структуры исследуемого концепта.

В ходе работы будем руководствоваться мнением В.В. Колесова, М.В. Пименовой, которое звучит следующим образом: «Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определенному языку. Существенную помощь окажут и авторские контексты, т.к. писатели и поэты используют языковой фонд, варьируя формы для выражения того или иного признака концепта, при этом, однако, они редко создают новые признаки» [Колесов, Пименова, 2012, с. 153].

Выявление и описание концептуальных признаков, формирующих структуру бинарных концептов *жизнь/смерть*; *добро/зло*; *свой/чужой* на материале якутского языка, были предметом исследования в другой работе автора ста-

ть совместно с Л.М. Готовцевой, А.К. Прокопьевой, по мнению которых вопросы языковой объективации концептов как фрагментов картины мира нацелены на познание окружающего пространства человеком [Готовцева, Николаева, Прокопьева, 2017, с. 21–30].

В предлагаемой работе придерживаемся определения концепта, данного В.А. Масловой, которая полагает, что «... концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)» [Маслова, 2005, с. 27].

В последнее время концепт *сердце* привлекает внимание исследователей в силу его активного участия, например, в качестве компонента фразеологических единиц. В связи с этим следует отметить серию работ М.Д. Чертыковой, посвященных исследованию концепта *сердце* в общетюркской картине мира на материале фразеологических единиц, в которых она отмечает его развитую систему когнитивных образов и ассоциаций: это – «вместилище определенных чувств и настроений; источник храбрости, жизненной энергии и силы, трудолюбия; биологического и духовно-ментального центра человека и т.д. Оказывается, у разных народов чувства и эмоции локализуются в разных анатомических органах» [Чертыкова, 2019, с. 511–513].

В другой работе автор, проводя параллель между фразеологическими единицами с компонентом-соматизмом, не только отмечает их продуктивность и частотность, но и выводит актуальное для нашего исследования суждение о том, что «система когнитивно-ассоциативных образов сердца в хакасском представлении в основном ограничивается обозначением эмоциональных переживаний и настроений, в то время как якутская система когнитивных образов и ассоциаций *сердца* шире, чем хакасская: семантическое пространство *сүрэх* «сердце» помимо выражения эмоциональных переживаний включает и такие дифференциальные признаки, как трудолюбие, усердие, крещение» [Чертыкова, 2018, с. 150–153].

Следует заметить, что в данное время отмечается интерес к вопросам концептуализации *сердца* в авторской (поэтической) картине мира, см.:

[Киндеркнехт, 2003; Пименова, 2005; Михайлова, 2013; Черникова, 2015; Алрамаднех, 2016 и т.д.].

Материалом для анализа послужили контексты стихотворений с компонентом *сүрэх* якутских поэтов начала и середины XX в. Было изучено 80 стихотворений из творчества таких якутских поэтов, как Анемподист Софронов-Алампа (1886–1935 гг.), Платон Ойунский (1893–1939 гг.), А.А. Иванов –Күндэ (1898–1934 гг.), Серафим Кулачиков–Эллэй (1904–1976 гг.), Николай Мординов–Амма Аччыгыя (1906–1994 гг.), Дмитрий Сивцев–Суорун Омоллоон (1906–2005 гг.), Владимир Новиков–Күннүк Уурастыырап (1907–1990), Макар Кузьмин–Макар Хара (1915–1981 гг.), Семен Данилов (1917–1978 гг.), Петр Тобуроков (1917–2001 гг.), Тимофей Сметанин (1919–1947 гг.), Софрон Данилов (1922–1993 гг.). Перевод примеров с якутского языка на русский осуществлен И.С. Саввиной.

При анализе концепта *сүрэх* в данном конкретном случае использованы некоторые подходы к описанию этих сложных образований, базирующихся на комплексной методике концептуального исследования, разработанной В.А. Масловой, М.Вл. Пименовой и З.Д. Поповой, И.А. Стернина [Маслова, 2005; Пименова, 2011; Попова, Стернин, 2007].

В процедуру анализа будут включены следующие виды установления ядра и периферии структуры концепта:

- 1) определение базовых, понятийных и различных признаков;
- 2) анализ контекстов, номинирующих исследуемый концепт.

Обратимся к словарным дефинициям ключевой лексемы. В Толковом словаре якутского языка содержится следующее определение лексемы *сүрэх* [уйг., йүрэк, алт. дьүрөк, шор. чүрөк, кум. юрек, уйг. жүрэк, бур. зүрхэн, н.-монг. йиүрүкэн] – 1) сердце как центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся с левой стороны грудной полости у человека; 2) *перен.* сердце как символ переживаний, чувств, настроений человека; 3) душевные качества человека; его характер; 4) *перен.* жажда деятельности, большое желание что-л. делать; усидчивость; 5) *перен.* центр, средоточие чего-л. [БТСЯЯ, 2004, с.281–282].

В Словаре якутского языка Э.К. Пекарского слово *сүрэх* толкуется в прямом и переносном

значениях, однако сразу же дается отсылка к слову *толобой* [бур. толобой бугор, холм], которое тоже выявляет многозначность: 1) сердце; 2) станова яила, спинной мозг; 3) память, разумение, внимание; 4) часть имени, например, Толобой-бай-хотун женское имя [Пекарский, 2008б].

Сама лексема *сүрэх*, кроме синонимичного *толобой*, обнаруживает в данном словаре несколько дифференциальных признаков: 1) старание, прилежание; совесть, энергия, рвение; 2) крест, например, *сүрэбэ суох* без креста, некрещеный; 3) центр, средоточие чего-л., например, киһи илиитин (сөмүйэтин, тойон эрбэбин) *сүрэбэ* мягкая часть на конце пальца со стороны, противоположной ногтю; внутренняя сторона оконечности пальца [Пекарский, 2008а].

Таким образом, в якутском языке репрезентантом концепта *сүрэх* выступает лексема *сүрэх*, дополнительным вариантом – *толобой фольк*.

В целом в словарных дефинициях выделены следующие признаки данного концепта: 1) орган; 2) символ переживаний; 3) жажда деятельности; 4) центр, сосредоточие.

Большой толковый словарь якутского языка и Словарь якутского языка Э.К. Пекарского фиксируют еще одно значение лексемы *сүрэх* – крест (нательный крест, крестик), например, *сүрэбэ суох* – без креста, некрещеный. По этому поводу М.Д. Чертыкова выдвигает гипотезу, основываясь на данных Этимологического словаря тюркских языков: «В якутском языке у *сүрэх* есть значение «нательный крест», которое, вероятно, результат переноса с более раннего* идол, ср. ульч. *мёва(н-)* «сердце» – *мёвалдаку* «божок, которого носили на шее от болезни сердца», нан. *миавалдақо* то же» [Чертыкова, Каксин, 2019, с. 109–112].

По данным Большого толкового словаря якутского языка отдельную группу с компонентом *сүрэх* представляют парные слова *сүрэх-быар* (сердце-печень), *сүрэх-бэлэс* (сердце-глотка), *сүрэх-дууһа* (сердце-душа), которые в обобщенном значении отражают абстрактные понятия. Например, *сүрэх-быар* выступает в значении «душа», «состояние души» [БТСЯЯ, 2004, с. 294–297].

Сочетание *сүрэх-бэлэс* (сердце-глотка) обозначает «позитивный настрой», «трудолюбие», к примеру, *сүрэбэ-бэлэһэ бэрт* (берущий иници-

ативу, хватающийся за все с энтузиазмом); сүрэбэ-бэлэһэ киирбит (усердно работающий, хотя раньше такого не наблюдалось); *сүрэх-бэлэс киһи* (очень трудолюбивый человек); *сүрэх-бэлэс мунутаан* (экий трудяга).

Наличие в данном сочетании компонента *бэлэс* выводит общее значение выражения на качественно другой уровень в силу заложенного в нем семантического признака, в данном случае оттенка иронии, шутки, насмешки.

Например, *сүрэх-бэлэс мунутаан – дьаһаллаах, үлэһит мунутаан* («онтон кини хаалыа дуо?» – *диэн этии*) – *Экий трудяга, как же без него*.

По мнению Е.Н. Афанасьевой, «второй компонент является носителем признака смысловразличия и дополнительных признаков. Он определяет номинативную или экспрессивную функцию слова, придает дополнительные стилистические оттенки» [Афанасьева, 2003, с. 90–91].

Если провести параллель между *сүрэбэ бэрт* и *исүрэбэ-бэлэһэ бэрт* при относительно одинаковом выражении значения ‘очень трудолюбивого человека, не знающего покоя’, то вторая единица *сүрэбэ-бэлэһэ бэрт* будет воспринята с приданием шуточно-ироничного оттенка.

Парное образование *сүрэх-дууһа* (сердце-душа) означает сознание, внутренний мир человека как единое целое с телом и душой. Эти компоненты по своей сути соотносимы, прослеживается их семантическая близость, что зафиксировано, например, в Словаре синонимов русского языка [ССАСРЯ, 2014, с. 340]. Однако, по данным Толкового словаря якутского языка и Словаря якутского языка Э.К. Пекарского, лексема *дууһа* не имеет синонима *сүрэх*, что наводит на мысль о том, что данные слова, точнее, какие-то их признаки не всегда покрывают одну и ту же понятийную сферу.

Якутско-русский фразеологический словарь содержит около 100 единиц с компонентом *сүрэх*, среди которых понятийная группа «психоэмоциональное состояние человека» отличается частотностью по сравнению с другой группой, например, «средоточие чего-либо» или «физиологическое состояние человека»: *сүрэбин аалар* (мучить, точить сердце); *сүрэбин баас онгор* (напугать, сделать кого-л. пугливым); *сүрэбэ айабар табыста* (душа в пятки ушла); *сүрэбэ хамсыыр* (испытывать сильное

волнение); *сүрээзэ холкутуйда (успокоиться, почувствовать облегчение)* и т.д. То же самое можно сказать относительно функционирования в качестве компонента парного сочетания *сүрэх-быар* (сердце-печень), например, понятийная группа 'психоэмоциональное состояние человека': *сүрэбин-быарын аалар (лечь тяжестью, свинцом на сердце); сүрэбин-быарын эмэр (причинять душевную боль); сүрэбинэн-быарынан сөбүлүүр (любить всем сердцем, всей душой); сүрээзэ-быара бөбөх (внутренне спокоен); сүрээзэ-быара дэьгийдэ (полегчало на душе); сүрээзэ-быара өрүкүйэр (находиться в возбужденном состоянии); сүрээзэ-быара сымнаата (успокоиться)* и т.д. [ЯРФС, 2002, с. 147–158].

Обращение к паремиологическому корпусу якутского языка позволило сконструировать экстралингвистическую информацию о содержании концепта *сүрэх*, которую можно интерпретировать следующим образом:

1) кто трудится, тот многого добивается в жизни: «Сүрэхтээх киһи сүгүн буолбат» – Человек с энергией зря не сидит [Кулаковский, 1945, с. 71]; «Сүрэхтээх киһи туохтан да маппат» – Прилежный человек ничем обделен не бывает; «Ханыл сүрэхтээх киһи ханныктан да хаалбат» – Человеку с ретивым сердцем ото всего достанется [Емельянов, 1965, с. 82];

2) в данных единицах звучит осуждение того, кто отлынивает: «Сүрээзэ суох үлэ чэпчикитин, ас минньигэһин талар» – Лентяй выбирает работу полегче, пищу повкуснее; «Сүрээзэ суох киһи утуйумтуо» – Лентяй всегда любит поспать [Емельянов, 1965, с. 132];

3) жизненный опыт одобряет смелых, мужественных мужчин: «Эр сүрэбинэн, эһэ тынырабынан» – Добрый молодец смелостью, медведь – когтями; «Эр сүрэбинэн, дьахтар тапталынан» – Добрый молодец – смелостью, женщина – своей любовью; «Эр киһи эһэ-бөрө сүрэхтээх» – Мужчина имеет сердце медведя и волка [Емельянов, 1965, с. 80–81];

4) народная мудрость гласит, что любовь движет людьми: «Сүрээзэ сөбүлээбит сүгэһэрдээх умнаһыкка да сүктэр» – Если девушке по сердцу, то выходит замуж и за нищего с котомкой на плечах; «Таптыыр сүрэх таайыгас буолар» – Любящее сердце догадливо; «Баҕарартан харах арахпат, сөбүлүүртэн сүрэх арахпат» – С желанного/ой глаз не сводится, от полюбившегося/ейся

сердце не отходит; «Тарбаххынан талан, сүрэххинэн сөбүлээн, хараххынан хайҕаан ыл» – Выбирай пальцами, одобряй сердцем, хвали глазами [Емельянов, 1965, с. 79–80].

Таким образом, интерпретационное поле данного концепта состоит из ценностных установок о пользе труда, о вреде лени, об оценке мужчин по их поведению и поступкам, о любви как сильной движущей силе. Данные установки продиктованы общепринятыми нормами как регулятивами поведения, менталитетом общества и времени.

Если мы обратимся к данным Ассоциативного словаря якутского языка [АСЯЯ], то увидим, что слово-стимул *сүрэх* воспринимается как *таптал* «любовь» (122), *дууһа* «душа» (27), *кыһыл* «красный» (7), *муус* «лед» (4), далее следуют единичные реакции. Высокая частотность реакции *таптал* «любовь» свидетельствует об универсальности данного понятия как символа любви. Реакция *дууһа* «душа», вызванная на данный стимул, может быть обусловлена их семантической близостью, кажущейся синонимичностью, допускаемой мыслью об ее локализации в сердце. Ассоциат на стимул *сүрэх* со словом *муус* «лед» вполне оправдывается устойчивостью и лексикографической фиксированностью выражения *муус сүрэх* в значении, близком словосочетанию *каменное сердце*, т.е. бессердечный, равнодушный человек. Зафиксированная реакция *кыһыл* «красный» вызвана довольно распространенной визуализацией сердца как символа любви.

Перед тем как перейти к образной характеристике данного концепта, скажем, что для данного исследования методом сплошной выборки были отобраны контексты, в которых содержится лексема *сүрэх*. Заметим, что внимание сосредоточено на индивидуально-авторском употреблении рассматриваемого слова в минимальном лингвистическом окружении, что позволяет выявить дополнительные (окказиональные) признаки актуализируемого концепта через его языковую репрезентацию.

Анализ функционирования концепта *сүрэх* в текстах якутской поэзии показывает, что исследуемая лексема выступает как сущность, которая сама может выражать такие психоэмоциональные чувства, как, например, радость «*Сүрэх үөрбүт этэ!*» – «сердце радовалось» (А. Аччы-

гыйа «Барыуоннаырыа»), симпатию «Сүрэм сөбүлүүр» – «нравится сердцу моему» (П. Ойунский «Доѳорбор Сүөкүччэбэ»), волнение «Сүрэм дьырылыыр» – «сердце дрожит от волнения» (Т. Сметанин «Колхоз кыһын хоһооно»), беспокойство, тревогу «Сүрэх кыланна» – «сердце завопило» (Т. Сметанин «Ханнаах хара баттах»), сильное волнение, тревожное состояние «Сүрэххин сүөдүтэн» – «сердцу тревожно» (П. Ойунский «Эмээхсинэ-гэлгэтэ»), боль «Туохтан сүрэх ыалдыахтыыры?» – «отчего сердцу так больно?» (Күннүк Уурастырап «Сыгаанкыһа, таайаарый»).

В своих текстах авторы наделяют сүрэх свойствами слухового и зрительного восприятия, что передает состояние сильного волнения, ощущения, беспокойства как результат взаимодействия с окружающим миром, например: «Итини истэн, / Сүрэм тингий-тингий тэптэ» – «Услышав это, мое сердце громко застучало» (С. Кулачиков-Эллэй «Уруй»), «Ол ону көрөн / Сүрэх тэбэн тингийэр» – «При виде этого сердце сильно застучало» (В. Новиков-Күннүк Уурастырап «Похуот»). В данном контексте сүрэх выступает как живое существо, которое может слышать, видеть, оценить и соответственно реагировать, для чего авторы прибегают к звукоподражательному глаголу тингий 'издавать звук' (об ударах, стуке). Для усиления звука биения сердца употребляется специальная форма тингий-тингий для передачи собственных сердцу функциональных признаков.

Сердце может гореть, кипеть и сильно биться, например: «Умайар, оргуйар, / Сүрэм мөхсөр» – «горит, кипит / сердце стучит» (П. Тобуроков). Сердце может закипеть: «Сүтүктүүр доѳорум, / Сүрэхтин оргуйан» – «кипящий друг, / вместе с сердцем кипящий» (Н. Мординов-Амма Аччыгыйа «Санаа»).

В данном контексте сүрэх выступает как самостоятельный субъект с признаками разбушевавшейся стихии, которые объективируются глаголами умай (гореть), оргуй (закипеть, кипеть).

В следующих примерах сүрэх выступает как объект, который подвергается внешнему стороннему воздействию, например, его могут зажечь «Күндэлэс күннээх дойдулар / Сүрэм төлөнүүлэр» – «страны, залитые солнцем / сердце зажигают» (С. Кулачиков-Эллэй «Кыһын»). Сердце может успокоить прохлад-

ный ветер, например, у А. Софронова в стихотворении «Маннайгы хаар»: «Сөрүүн салгын / Сүрэм сөрүүкэттэ» и у А. Иванова-Күндэ в стихотворении «Бурдук быһыта»: «Сөрүүн салгынынан / Сүрэм сөрүүргэтэр» – «Прохладный ветер / Остудил (успокоил) сердце».

В якутской поэзии сүрэх может также рассматриваться как «внутренний мир» или «особый мир». В стихотворении П. Тобурокова «Сүрэхпэр саас сылаас чабылын...» говорится о том, что герой, собрав внутрь себя теплоту весны, лучше переносит холод зимы. А. Софронов в своем стихотворении «Туохтан» пишет о том, что мысли хранятся в его сердце, то есть внутри него: «Туохтан / Сүдүрүүннээх санаалар / Сүрэхпэр сөнөр буоллулар?». В этих контекстах сердце рассматривается в пространственном измерении как локус (вместилище) переживаний, волнений, мыслей.

В стихотворении «Кырдык иһин кыргыз» Т. Сметанина некто с грязными руками попал в сердце героя, то есть попал в его внутренний, особый мир, скрытый от других: «Кирээтээх илиитин / Сүрэхпитигэр уунна». Также метафора «вхождения» в сердце есть у А. Иванова-Күндэ в стихотворении «Кыталык кыыл», в котором аромат цветка проникает в сердце поэта: «Сүрдээх сытыытык / Сүрэххэ киэрэн». Сердце у авторов предстает как мир, находящийся внутри человека, он имеет свой вход, свой выход, имеет пространство, которое можно заполнить.

Можно также выделить участие компонента сүрэх в характеристике человека, где прилагательные указывают на какие-либо человеческие качества. Самые распространенные качества – невинность или доброта, выражающееся словосочетанием «чистое сердце» (ыраас сүрэх): «Буруйа суох этэ, / Сүрэхтээх ырааһа – Манчаары дэһэллэр» – «не был виноват / чист сердцем – Манчаары» (Н. Мординов-Амма Аччыгыйа «Бары уонна ырыа»), «Ыраас сүрэхпит махтанар тылларын!» – «Слова, приятные нашим чистым сердцам!» (М. Кузьмин-Макар Хара «Ыһах ырыата»), «Баттала суобун, сүрэм ырааһын!» – «Никого не угнетает, какое чистое сердце!» (П. Ойунский «Мөккүөр»).

Поэты могут подчеркнуть дружелюбие: «Эйэбэс сүрэхтээх» – «с приветливым сердцем» (С. Кулачиков-Эллэй «Ийэ»), «Итии хааннах / Эйэбэс сүрэхтээх» – «с горячей кровью / с от-

крытым сердцем» (Семен Данилов «Олонхо оҕото»), также такие качества, как честность: «Көнө сүрэх көмөлөөх» – «честное сердце – полезно» (А. Софронов «Туллук-тулук до-боттоор»), храбрость: «Ити эн амарах, хорсун сүрэххин» – «Твое сострадательное, отважное сердце» (Софрон Данилов «Мартин Лютер Кинг өлбүтүгэр»).

В произведениях авторов сүрэх может плакать и петь: «Сүрэбин ытатан, ыллатан» – «заставив сердце плакать, петь» (Семен Данилов «Киһиэхэ төрөөбүт дойдута»), «Сүрэбим ыллаата» – «сердце поет» (Т. Сметанин «Бу Лена») – в этих стихотворениях сердце само совершает действие, а в остальных же случаях сердце реагирует на песню, выражает свое отношение: «Элбэхтэр сүрэхтэрэ итийэр ырыатынан / Ыллыабым буолуо дуо?» – «запою я песней, согревающей множество сердец?» (Н. Мординов–Амма Аччыгыя «Баҕарыы»), «Сүрэхпин үөрдэр ырыаны» – «песню, радующую мое сердце» (Д. Сивцев–Суорун Омоллоон «Төрөөбүт үрэбим таптала»), «Ырыаны таптыыр / Сүрэбим үөрдэ» – «сердце, любящее песню, обрадовалось» (М. Кузьмин–Макар Хара «Амма уола»), «Ол ырыа тыллара, хатаналлар / Советскай сүрэххэ, санааҕа» – «слова песни хранятся в советском сердце, сознании» (С. Кулачиков–Эллэй «Хараҕа суох ырыаһыт»), «Ыччат дьон сүрэбин кынаттаа / Санааны саталыыр ырыанан» – «Вдохнови сердца молодежи песней, сотрясающей сознание» (С. Данилов «Эллэйгэ»). Исходя из данных примеров, мы можем удостовериться в том, что песня играет большую роль в концептуальном наполнении данного понятия. «Особую специфику видения и ощущения внутреннего мира С. Есенина составляет связь сердца с песней», – пишет М.В. Пименова в своей работе [Пименова, 2005, с. 212–222].

Поэты также используют парное выражение «сүрэх-быар», которое означает «душа, душевное состояние». Опять же используют для описания каких-либо эмоций, но уже то, что испытывает душа, чаще всего это умиление, смягчение: «Сүрэх-быар манньыйах» – «душа умиляется» (П. Ойунский «Гатыйык ыллыыра»), «Сүрэбим-быарым сылаанньыйар» – «душа теплеет» (Т. Сметанин «Лена долгуннара»), «Сүрэх-быар сымнаан» – «душа смягчается» (А. Иванов–Күндэ «Сайын»).

Как показывает материал, лексема сүрэх сочетается с глаголами антропоцентрического значения үөр (радоваться), сөбүлээ (нравиться), көр (смотреть), ытаа (плакать), ыллаа (петь), сочетаемость с которыми в прямом и переносном значении передает в основном психоэмоциональное состояние человека.

Сүрэх / сердце как орган сочетается с глаголами, выражающими физиологическое состояние либо процесс, например, дьырылыыр, ыалдыахтыыр, тэбэр, мөхсөр, что репрезентирует сердце как орган, быстро реагирующий своими симптомами на факторы внешнего воздействия. Такие сочетания можно обозначить как автологические, так как они употребляются в прямом значении, однако контекстное окружение в совокупности актуализирует их метафорический смысл.

В своих стихах авторы часто прибегают к таким эпитетам к слову сүрэх, как ыраас «чистый», эйэбэс «открытый», көнө «прямой», амарах «сострадательный», хорсун «храбрый», которые не отражают эмоциональное состояние человека, а характеризуют человека по положительным признакам. Сочетания существительного сүрэх с данными прилагательными не зафиксированы в словарях якутского языка, кроме көнөсүрэх «честное, искреннее» сердце, что говорит о наделении данного концепта дополнительными (авторскими) признаками.

Таким образом, обобщенные признаки, которые зафиксированы словарями, дополняются окказиональными признаками, например, ыраас сүрэх «чистое сердце», эйэбэс сүрэх «открытое сердце», амарах, хорсун сүрэх «сострадательное, храброе сердце».

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что данный концепт занимает значимое место в индивидуально-авторской картине мира, что было подтверждено его частотностью и метафорически содержательным наполнением в каждом контексте.

В поэтических текстах исследуемый концепт вербализуется лексемой сүрэх, синонимичное употребление слова толобой не замечено, возможно, в силу его архаичности и стилистически дифференцированного использования, например, в фольклористике.

Вопреки ожидаемой представленности в подобных текстах слов для выражения личного чувства к предмету речи не обнаружено употре-

бление уменьшительно-ласкательного слова *сүрэхий* в значении «сердечко». Его отсутствие можно объяснить тем, что авторами стихов являются мужчины, которые затрагивают в своих произведениях темы общественного и политического строя своего времени.

Слово *сүрэх* в прямом физиологическом значении употребляется в отдельных контекстах, например, «*Итини истэн, / Сүрэбим тингий-тингий тэптэ*» – «*Услышав это, мое сердце громко застучало*» (С. Кулачиков–Эллэй «Уруй»), «*Ол ону көрөн / Сүрэх тэбэн тингийэр*» – «*При виде этого сердце сильно застучало*» (В. Новиков–Күннүк Уурастыырап «Похуот»). Однако второе, переносное значение более актуализировано в авторских контекстах, так как поэтам важнее представить свой внутренний мир и внутренний мир своих героев.

Выявлено, что анализируемому концепту приписываются признаки, свойственные человеку: «радость», «тревога», «обладание голосом», например: «*Сүрэх кыланна*» – «*сердце завопило*» (Т. Сметанин). Признаки «нрав, характер» у концепта *сүрэх* выражаются атрибутивными конструкциями (*көнө сүрэх, эйэбэс сүрэх, амарах, хорсун сүрэх, ыраас сүрэх*). Можно считать эти признаки приоритетными, посредством которых концептуализируется *сүрэх*.

Есть примеры, где авторы наделяют данный концепт признаками неживой природы, например, «стихия» («*Умайар, оргуйар, / Сүрэбим мөхсөр*» – «*горит, кипит / сердце стучит*» (П. Тобуроков).

Немало примеров, когда концепт *сүрэх* уподобляется вместилищу для хранения абстрактных сущностей, например, мыслей («*Туохтан/ Сүдүрүүннээх санаалар / Сүрэхпэр сөнөр буолулар?*») (А. Софронов).

Как показывает материал, авторы активно используют парные сочетания, при этом предпочтения отдают *сүрэх-быар* в значении *душа*. Функциональная активность сочетания обусловлена семантической спаянностью компонентов при выражении признаков концепта «душа».

Важным признаком *сердца* в авторской интерпретации того времени можно считать такое его определение, как *советское сердце* «*Ол ырыа тыллара, хатаналлар / Советскай сүрэххэ, санааба*» – «*слова песни хранятся в советском сердце, сознании*» (С. Кулачиков–Эллэй).

В целом признаки структуры *сүрэх* как концепта внутреннего мира человека в авторских контекстах передаются через его сравнение, уподобление живым существам и явлениям стихии, тому субъективному видению мира, которым обладает сам автор. Образная составляющая концепта *сүрэх* в основном не выходит за рамки вышеустановленных понятийных признаков и устанавливает следующие компоненты значений: 1) физиологический орган; 2) символ чувств; 3) вместилище чего-л. Данный концепт как сложная ментальная единица, формируемая в языковой картине каждого автора, предстает как факт языкового сознания, репрезентирующий внутренний мир автора своего времени и соответствующим образом актуализирующий дополнительные признаки *сердца*.

Литература

Абрамаднех Д.С. Анализ лексемы «сердце» в поэзии В.В.Маяковского // Преподаватель XXI век. – 2016. – №3-2. – С.344–351.

Афанасьева Е.Н. Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2003. – 172 с.

Готовцева Л.М., Николаева Т.Н., Прокопьева А.К. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – №3(17). – С. 21–30.

Емельянов Н.В. Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. истории / сост. Н.В. Емельянов; под ред. Г.С. Сыромятникова. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 246 с.

Киндеркнехт А.С. Состав поэтических формул с компонентом «сердце» в русской поэзии начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2003. – 190 с.

Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. – 2-е изд. – Киев: Книжный дом Д. Бураго, 2013. – 248 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

Михайлова Е.В. Концептуализация понятий «душа» и «сердце» в языковой картине мира А.А. Блока // Язык. Текст. Дискурс. – 2013. – №11. – С. 190–201.

Николаева А.М. О ключевых метафорических концептах якутской женской поэзии (на примере поэзии С. Гольдеровой–СаргыКуо) // Северо-Восточ-

ный гуманитарный вестник. – 2017. – №1(18). – С. 118–126.

Пименова М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *судьба*) // Человек и его мир в языке: памяти проф. Е.А. Пименова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – 704 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 13).

Пименова М.В. Коды культуры и особенности концептуализации *сердца* в произведениях С.А. Есенина // Культура и текст. – 2005. – №8. – С. 212–222.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

Черникова Н.В. Концепт «сердце» в поэзии С.А.Есенина (к 120-летию со дня рождения поэта) // Вестник научных конференций. – Изд-во ООО «Консалтинговая компания ЮКом» (Тамбов). – 2015. – № 1–1 (1). – С.154–157.

Чертыкова М.Д. Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2018. – №3 (70). – С. 511–513.

Чертыкова М.Д. Концепт чүрөк / сүрэх «сердце» в языковой картине мира хакасов и якутов // Имя. Язык. Этнос. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения М.С. Иванова–Багдарына Сүлбэ. – РАН, Сибирское отделение, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – С. 150–153.

Чертыкова М.Д., Каксин Ч.А. Семантико-когнитивные особенности фразеологизмов с соматизмом чүрөк / сүрэх «сердце» в хакасском и якутском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №5–2. – С.109–112.

Словари

АСЯЯ – Ассоциативный словарь якутского языка / сост. Л.С. Заморщикова, А.А. Романенко. – URL: <http://adictsakha.nsu.ru> (дата обращения 22.10.2020)

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. IX. – 629 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в трех томах / Э.К. Пекарский; Рос. акад. наук. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2008. Т. 2, вып. 5–9 : Күдүөрүи-Сыччыр. – 2008а. – 2405 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в трех томах / Э.К. Пекарский; Рос. акад. наук. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2008. Т. 3, вып. 10–13: Та-Ычыны. – 2008б. – 2715 с.

ССАСРЯ – Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под редакцией А.С. Гаврилова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/44146.html> (дата обращения 27.10.2020)

ЯРФС – Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2002. – Т. 2. – 420 с.

T.N. Nikolaeva, I.S. Savvina

The Language Objectification of the Concept Syurekh (Heart) (on the Example of the Yakut Poetry Texts)

This article discusses the language objectification of the features of the concept “syurekh” (“heart”) on the example of the Yakut poetry texts of the early and mid-XX century. The relevance of the research is dictated by the need to study the lexeme “syurekh” as a representative of this key concept in the linguistic view of the Yakut world. The analysis involves contexts with the “syurekh” component selected by the method of continuous sample from 80 poetic works, which allows us to identify the mechanism for the formation of the features of this concept as a result of objectification of the author’s inner world. The analysis is structured according to the methodology of conceptual research and is aimed at identifying the nuclear and peripheral features of this concept. Based on the results of practical material, it was revealed that the key word “syurekh” in author's contexts is used in the meanings “anatomical organ”, “symbol of feelings and emotions”, “container”, which reflects the embodiment of its semantic components in poetic texts. The interpretative field of this concept is interesting because the authors use this word in a figurative sense from the position of its conceptualization.

This concept as a complex mental unit, formed in the linguistic view of world of each author, appears as a fact of language consciousness, representing the inner world of the author of his time and accordingly actualizing the concept of the heart.

Keywords: heart, concept, linguistic view of the world, lexeme, poetry, Yakut language, conceptual analysis